

СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В ДРЕВНЕАРМЯНСКОМ И СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

Л. А. САРАДЖЕВА

В последнее время как в зарубежной, так и в советской лингвистике, все большее внимание уделяется анализу семантической структуры слова как элемента лексической системы в языке. В связи с этим следует считать кардинальным изучение лексико-семантических групп родственных языков, так как здесь можно проследить как возникновение различных лексических систем в результате развития одинакового исходного материала, так и выявить аналогичные семантические процессы. Особый аспект проблемы составляет результат переименования (расширение и сужение значения, метафора и метонимия).

В предлагаемой работе некоторые вопросы семантической структуры слова, в частности глаголов движения, разбираются на материале древнеармянского и старославянского языков. В ряде случаев мы приводим данные и других языков. Эти данные позволяют предполагать, что некоторые черты семантической структуры глаголов движения свойственны многим языкам, а возможно, и универсальны. Постепенное обнаружение и установление семантических универсалий позволит в свою очередь более четко обрисовать контуры общеиндоевропейской семиологии.

Выбор для анализа лексико-семантической группы глаголов движения обусловлен целым рядом ее особенностей. Эта группа очень компактна и потому легко доступна для наблюдения, сопредельные с ней области (обозначение «дороги», «пути», средств передвижения и связанных с ними номинаций) также легко поддаются ограничению. Совокупность входящих в эту группу лексем очень самобытна, устойчива и глубоко архаична.

С семантической точки зрения глаголы движения заключают в себе перемещение денотата в пространстве. Характерной особенностью глаголов движения является их референтная соотнесенность с определенным классом предметов, проявляемая в фактах лексического ограничения (т. е. только одна семантическая категория имен в прямом значении может сочетаться в своей семантике с данным глаголом).

С другой стороны, на семантику влияет широта смыслового объема глагола, его лексическая наполненность, в результате чего на нее наслаиваются другие характеристики. Русский глагол идти может обозначать перемещение в пространстве человека, животного, средств передвижения и т. д., наряду с этим, широта объема проявляется в обо-

значении явлений природы (дождь идет, снег идет и т. д.). абстрактных понятий (время идет, жизнь идет). Ср. с современным армянским: *shêrê t qshêrê*—буквально «дождь приходит», *shêshêshê shêghêghê t*—«время проходит», англ. *the time passes by*—буквально «проходит».

При анализе глаголов движения в древнеармянском и старославянском языках мы исходим прежде всего из семантической системы индоевропейского языка—основы, содержащего основные понятия (названия предметов, действий, свойств и т. д.), учитывая при этом не только семантическую универсальность глаголов движения, но и степень отклонения данных родственных языков от исходной и.-е. языковой системы.

Таким образом, исследуемая семантическая группа глаголов движения рассматривается прежде всего с точки зрения своеобразия лексико-семантической системы сравниваемых языков.

Слова, функционируя в системе языка, находятся в определенных смысловых связях, обусловленных закономерностями данного языка и всей предшествующей историей его развития.

Глаголы движения, объединяясь по общности обозначаемого ими явления, составляют ряды идеографической синонимии. В соответствии с принципами, применяемыми нами к описанию физической модели мира¹, глаголы движения рассматриваются с точки зрения восприятия и отбора различительных признаков—синхронных противопоставлений по сходству, смежности, объему.

Например, при восприятии некоторого движения в пространстве могут быть выделены признаки «способ передвижения», либо «направленность движения», либо оба признака одновременно. Направленность движения в пространстве дифференцируется, в свою очередь, на пространственные отношения по вертикали (выше точки отсчета—ниже точки отсчета) и на пространственные отношения по горизонтали (приближение—удаление). В качестве дополнительного дифферента мы выделяем также следующие признаки: среда, в которой протекает действие, класс предметов, охваченных действием. Каждый из указанных различительных признаков воспринимается как наиболее информативный. Таким образом, глаголы движения образуют в парадигматическом плане свою специфическую структуру, включающую вышеуказанные признаки.

Отношение синонимии объединяет группу глаголов, обозначающих единство выражаемого ими понятия—передвижение по суше: двигаться, идти, бежать, везти, вести, ехать, катить, волочить, нести, скакать, ползти, гнать, прыгать. Вышеприведенные глаголы находятся, с одной стороны, в отношении эквивалентности, определяющем их принадлежность к данному множеству, и с другой—в состоянии оппозиции—отношении

¹ Л. А. Сараджева, Сравнительный анализ физико-географической модели мира в древнеармянском и старославянском языках (*«Պատմա-բնօրհայտական հանդես»*, 1975, № 2).

частичного различия между частично сходными элементами (идти—бежать, идти—скакать, бежать—волочить, бежать—ползти и т. д.).

На основании вышеуказанных различительных признаков представляется возможной дифференциация глаголов ненаправленного действия, воплощающих идею передвижения вообще, и глаголов направленного действия.

а) Глаголы ненаправленного действия и.-е. происхождения представлены следующими словоформами²:

древнеармянский:

gelul „вращать“, dedewil „качаться“, ert'al „идти, ехать“, эп-т'апаі „идти, путешествовать“, эп-кепуі „бросать“, holovel „вращать“, slanal „бежать“, hesapel „ехать верхом“, с'uel „идти, маршировать“.

старославянский:

choditi „ходить“, bégati „бегать“, valiti „валить“, krotiti „крутить“, vrašiti „вращать“, positi „носить“, voditi „водить“, mōiti „бросать“, plъzati, smykati se „ползать“, skakati „скакать“, sylati „слать“, voziti „возить“, zybatl „колебаться“.

б) Глаголы горизонтальной ориентации:

1) к предмету, в том числе к говорящему:

древнеармянский:

asel „приносить, приводить“, berel „приносить, приводить“, gal „приходить, приезжать“, hasapel „достигать, доходить“, i perk's tapel „ввозить“, matc'il „подходить, приближаться“, mxel „вонзать“;

старославянский:

vъlězti „войти“, па-perjō „вонзать“, pr-iti „прийти“, pri-vlěšti „привлечь, притащить“, pri-pesti „принести“, pri-stōpiti „подойти“, pribězati „прибежать“, prějadō „приезжаю“, vъjadō „въезжаю“, privesti „привезти“;

2) от предмета, в том числе от говорящего:

древнеармянский:

artak's asel „выводить, выносить“, tapel „уносить, увозить“, gpal „уезжать, уходить“, elapel „выходить“.

старославянский:

iz-iti, ot-iti „уходить, выходить“, iz-lěsti „выходить“, iz-gъpati „выгнать, изгнать“, po-bězati, u-bězati „убежать“, otъ-vrěsti „отвергнуть“, otбросiti „отбросить“, otъ-rinōti „отбросить“, po-sъlati „послать“.

² Армянские примеры приводятся на основании словаря Ю. Покорного и «Истории армянского языка» Р. Ачаряна. Славянские приводятся на основании словарей Ю. Покорного и К. Бака: J. Pokorný, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Bern, München, 1959. 2. Ահաբան, Հայոց լեզվի պատմություն, Երևան, 1940, էջ 34—80; C. D. Buck, A dictionary of selected synonyms in the Principal Indo-European Languages, Chicago, 1949.

Глаголы вертикальной ориентации:

1) выше точки отсчета:

древнеармянский:

yaḡnel „подняться“, hart'pul
„вскочить от испуга“, ambapal
„подниматься“;

старославянский:

vъz-dvignŏti „поднять“, vъz-
nesti se „подняться“, vъz-iti „взой-
ти“, vъz-lěsti „влезть“, vъ-staniti
„встать“, vъz-ęti „подниматься“;

2) ниже точки отсчета:

древнеармянский:

iġapel „спускаться“, nstel „са-
диться“.

старославянский:

pičati „приникать, падать ниц“,
sъ-lěsti „слезть“.

Гораздо менее многочисленную группу составляют глаголы движе-
ния, специально обозначающие перемещения в воздушной и водной
среде: порхать, плыть, плавать и лететь, что обусловлено прежде всего
разной частотой действий в реальной действительности; глаголы ле-
теть и плыть, как правило, не имеют ни синонимов, ни каких-либо тема-
тически тяготеющих к ним слов³. Тем не менее вышеуказанные глаго-
лы, входя в систему языка, характеризуются аналогичными различ-
тельными признаками.

Глаголы ненаправленного действия, обозначающие передвижение
в водной среде, представлены арм. logapal «купаться», luapal «мыть»
(с переходным значением), ст.-сл. testl, plavati «течь, плавать». Древ-
неармянский язык не имел превербов, в результате чего понятие «уплы-
вать, приплывать» выражалось либо глаголом logapal, либо описа-
тельно, либо через контекст, описывающий данный отрезок ситуации.

В ст.-сл. языке глаголы горизонтальной ориентации (от предмета,
в том числе от говорящего; к предмету, в том числе к говорящему) вы-
ражались понятиями pri-tešti, pri-plovŏ „притекать, приплывать“ и u-
tešti, u-plovŏ „уплывать“.

Глаголы вертикальной ориентации (выше точки отсчета, ниже точки
отсчета) в др.-арм. представлены как elapel i ġroy (описательная фор-
ма) «выплывать из воды» и әpkimel «погружаться».

В ст.-сл. iz-pъrěti „выплывать“, ponrěti, pogręznŏti. po-topiti, u-to-
piti, topiti. u-glъbnŏti „погружать, топить“.

Глаголы ненаправленного действия, обозначающие передвижение
в воздушной среде, в др.-арм. t'ġc'el „лететь“, ст.-сл. pariti, lětati
„летать“. Глаголы направленного действия вертикальной ориентации в
др.-арм. t'ġč'im yods—буквально „лечу в воздух“—описательная форма,

³ В старославянском языке смысловым центром глаголов движения было iti, к
нему тяготели běžati, jachati, gręsti, lězti и др. Обозначая движение вообще, неза-
висимо от способа передвижения, они оказывались синонимически близкими и доволь-
но свободно заменяли друг друга.

ст.-сл. *vъz-lěteti* „взлететь“; др.-арм. *anḳapel* „опускаться“, *əḳepu* „бросать“, ст.-сл. *pasti* „падать“.

Возможности разных путей передачи мыслей заложены в самом устройстве языка, ибо отражение мысли есть движение, и движение это не обязательно идет по одному и тому же пути.

Таким образом, одна и та же реальность (ситуация) в разных языках может быть обозначена разными языковыми средствами, в зависимости от норм системы данного языка и применения этих норм согласно ситуации и контексту.

Ресурсы и структура каждой отдельной языковой системы определяют возможности глагольной деривации. С этой точки зрения интересно проследить как по-разному ведут себя языки, имеющие одну и ту же исходную лексическую основу и, таким образом, ответить на вопрос, каким путем сложилась вышеприведенная система глаголов движения в рассматриваемых языках.

Наиболее универсальным глаголом, воплощающим понятие «движение» как физического перемещения в пространстве в применении к различному классу существительных (человек, животное, средства передвижения и т. д.), является глагол «идти».

Следует отметить первоначальную недифференцированность и соответственно синкретизм значений «идти», «ехать» на индоевропейском уровне⁴, что наблюдается и в ряде современных индоевропейских языков: ср. арм. *qɬi* «приходить, приезжать» и *qɬiɬi* «уходить, уезжать», английским сочетаниям в русском соответствуют:

- англ. to go on foot—рус. «идти пешком»,
- англ. to go by train—рус. «ехать поездом»,
- англ. to go by sea—рус. «плыть по морю»⁵,
- англ. to go by air—рус. «летать самолетом».

Реконструированные и.-е. основы⁶, имеющие первоначальное значение «идти», получили следующее развитие: нетематический тип, представленный и.-е. **ei-/i-* „идти“, получил распространение в др.-инд. *eti*, греч. *εἶσι*, лат. *it*, лит. *eitl*, ст.-сл. *iti* (неоп. форма), хет. *it* (2 л. ед. ч.), в целом нетематический тип основы имеет тенденцию к исчезновению: в праславянском выступает производное образование тематического типа **jьde* > ст.-сл. *idŭ* с суффиксом **de-/o-* „я иду“. Наряду с этим существует и старая основа настоящего времени: **ja-*: ст.-сл. *jachati* „ехать“, лит. *jŏti* „ехать верхом“, авест. *aēiti* „идти“, др.-инд. *yati* „ехать, идти“, готс. *iddja*, тох. *yā* „идти“; в др.-арм. от и.-е. основы **ei-/i-* с детерминативом *-gh-* *lḳapel* „спускаться“ (направленность вниз при *ert'al* „идти“)⁷.

⁴ С. D. Bick, указ. соч., стр. 693.

⁵ Ср. также рус. идти под парусом.

⁶ J. Pokorny, IEW, 1.

⁷ И.-е. основа **ei-/i-* засвидетельствована в сакральных формулах и в ряде языков получила развитие со значением «клятвы»: др.-прл. *oeth* < **oito*, др.-исл. *eif* < **i-* „идти“; дающий клятву проходит между двумя частями жертвенного животного (известно и в Литве 1351 г.), др.-кипр. *aputop* „клятвopреступление“, готс. *aiups*, др.-сев. *eidr*, др.-англ. *ār*, др.-сакс. *ēth*, др.-в.-нем. *eid* в том же значении.

И.-е. *sent- „идти, направляться→путь“ в своем основном виде выступает в арм. как *əpʰapal* „идти, путешествовать, спешить“, авест. *hap* „достигать“. По-видимому, в эпоху раздельного существования и.-е. языков произошел семантический переход данного слова в „высокую“ духовную сферу (от физического движения к движению души, мысли): ст.-сл. *seŕŕiti* „умный“, лит. *siptėti* „мыслить“, др.-в.-нем. *sin*, -*ppes* „смысл“, *sinpan* „стремиться, сильно хотеть“, лат. *sensus* „чувство, ощущение, смысл, понятие“, *sentio*, -*ire* „чувствовать, ощущать, воспринимать“, сущ. *sententia* „мнение, взгляд, высказывание“.

И.-е. *uadh-, *uadh- „идти, шагать“, арм. *gal* „приходить, приезжать“ — с ярко выраженным признаком направленности действия, данная основа выступает также в германских и латинском языках: лат. *vadō*, *ēre* „идти, шагать“, др.-исл. *vaða* „идти, продвигаться вперед“, др.-в.-нем. *watan*, ср.-в.-нем. *waten*, др.-фриз. *wada* „иду“ и т. д.

И.-е. *bheg- „бежать“, ст.-сл. *běžati*, итер. *běgati*; и-б_жати „убежать“, рг-б_жг *прибежать*“, лит. *bėgu*, *bėgti* „бежать“, греч. *φέρωμαι* „бегу“.

В качестве армяно-славянской изоглоссы рассматривают арм. *slapan*, аор. *slacʼay* „бежать, мчаться“ и ст.-сл. *sъlati* „посылать, слать“ (Г. Майер. *Av. Wb.* 396, Лидеи. *Arm. St.* 77 и сл. Р. Ачарян. *Э. С.*, VI, 262), восстанавливая и.-е. праформу *kʷel-, Петерсон сближает также с лит. *siūnčiu*, *siūsti* „слать“. В словаре Рокоту (*IEW I*, 838) ст.-сл. *sъlati* выступает под корнем *sel- со значением „брать, хватать“ в сопоставлении с греч. *ἐλεγχ* „иметь“, гот. *saljan* „жертвовать“, которые не соответствуют ст.-сл. по значению. Мефе (*MSL* 8, 238) восстанавливает для ст.-сл. праформу *sulo > sьlati, sьlati, сопоставляя при этом арм. *yowarkel* (*yutarkel*) „посылать“ (ср. арм. *uṭ*, *uṭi* „дорога, улица“), далее греч. *ἔφαω* „пускать, позволять“, др.-в.-нем. *selja* „переносить“, лат. *insula* „остров“.

Понятие ездить (верхом) в арм. *hesapel*, восходящее к и.-е. *sed- «сесть, садиться». Значительный интерес в этой связи представляет следующее развитие значений: арм. *hesapel* «ездить верхом» и ст.-сл. *sedьlo* «седло» < *sed- (ср. с арм. *eti* «место», полностью соответствующим по суффиксальному образованию *-dlo- ст.-сл. *sedьlo*). В качестве параллельного семантического развития с арм. *hesapel* при *hesael* «всадник» интересно славянское новообразование *всадник*, восходящее к ст.-сл. *saditi se* «садиться» и др.-инд. *sadi*, *sadin* «едуший верхом на лошади, всадник» (Uhlenbeck, *Aind. Wb.* 333).

И.-е. *uegʰh- „двигать, тащить, ехать“: ст.-сл. *vezq*, *vezti*, итер. *voziti*, лит. *vežti*, *vėžti* „везти“, гот. *ga-wigan* „двигаться“, др.-в.-нем. *wagan* в том же значении, лат. *vehō*, -*ēre* „ехать“, а также „нести, вести“, др.-инд. *vahati* «везу», авест. *vazaiti* то же.

И.-е. *uedh- „вести и вести женщину в жены, ст.-сл. *vedq*, *vesti* итер. *voditi* «вести и брать в жены», лит. *vedù*, *vesti* «вести и жениться»,

лтш. *vedu* то же, авест. *vađu* «вести и тянуть», др.-ирл. *fedid* «ведет, идет, несет».

И.-е. **ak-/ag-* «гнать, вести»: арм. *asel* «приносить, приводить» при *artak's asel* «выводить, выносить», греч. *ἄγω* «веду», лат. *agō* «веду и гоню», др.-инд. *ājati* «гонит», др.-исл. *aka* «ехать, возить».

И.-е. **g^hen-* «гнать», арм. *gnal* «уходить, уезжать» (ср. с *gal*), ст.-сл. *gъnati* «гнать» с суффиксом **-a-*, аналогично арм. *gnal*; итератив, обозначающий ненаправленное действие, — *goniti*, лит. *geniū. gifti* «гнать», лтш. *džēni, dzīt* «защищать», др.-прус. *guntwel* «гнать», др.-инд. *hanti-* «бьет», авест. *janti*, греч. *θῆνω* «бью», алб. *gjanj* «гоню», ирл. *gonim* «раню».

И.-е. **bher-* «нести», арм. *berel* «приносить, привозить» при *tanel* «унести, увозить», греч. *φέρω*, лат. *fero*, гот. *baīra*, ирл. *biri* «несу», алб. *bie* «веду, приношу». От и.-е. **bher-* ст.-сл. образовал следующие группы производных: 1) *berq/byrati* — глагол состояния «братъ»; 2) «понести» в смысле зачатия, откуда *brěžda* «беременная», ср. с лат. *forda* «беременная самка», гот. *gabairan*, др.-исл. *feга* «рождать», образующие семью слов с *gesio* «рождать, производить», 3) древнее значение глагола, обозначавшего усилия, с которыми переносится ноша в пути, сохранился в ст.-сл. *brěше* «ноша, тяжесть», образующее семью слов с *vesti, vezti, iiti*. Таким образом, даже в пределах одного языка разные формы одного слова могут разойтись по разным группам, плохо согласующимся между собой. Если мы сравним с этим формы и производные и.-е. **bher-* в индоиранском, то картина станет еще более пестрой: к названным значениям присоединяется значение «братъ на себя», откуда др.-инд. *bhratṛ* «муж» в смысле «несущий упряжь», н.-перс. *suvar* «всадник» (ездить верхом ← носить < **bher-*), авест. *bar-* «ездить верхом»⁸.

Понятие «нести» в ст.-сл. образовано из и.-е. **nek'/*pek'*, откуда ст.-сл. *nesq, nesti*, итер. *positi* «носить, нести», лит. *neši, pėšti*, лтш. *nesu, pesu* то же. Древнеармянский сохранил первоначальное и.-е. значение с признаком приближения: арм. *hasanel* «достигать», др.-инд. *paśati* «достигает», греч. *δι-ηγεῖσθαι* «достигать». гот. *gapan* «достиг».

Понятие «ползти» в и.-е. языке — основе образовано от корней **(s)meug-* «скользить», **serp-*, **seip-* «прыгать, ползти». И.-е. **(s)meug-* представлено в ст.-сл. *smukati se* «ползти», арм. *matčil* «подходить», лит. *mukti, smukti* «ползти», др.-инд. *muṇc* «выпускать из рук». И.-е. **serp-* в греч. *έρπω*, лат. *serpere*, др.-инд. *sṛp-*, лит. *gėplioti* «ползать, пресмыкаться».

И.-е. **seip-* в ст.-сл. *syipati* «прыгать», др.-инд. *ucchalati* «быстро подниматься», греч. *ἄλλομαι* «прыгать», лит. *salti* «течь»⁹.

⁸ Ср. Л. Г. Герценберг, Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках, Л., 1972, стр. 23.

⁹ Рокорну, IEW, I, 900 приводит арм. *soim* и *soimim* «пресмыкающееся», не принимая во внимание наличие в арм. *sołoskim* и *soimim* «ползать, подкрадываться»; наличие *z* и *sk* в *sołoskim* указывает на неармянский источник: **s>h* или нуль, **sk* в арм. > с. Ср. Г. Б. Джаукян, Очерки дописменного периода армянского языка, Ереван, 1967, стр. 254.

Только славянские и германские языки отражают и.-е. *pel- «ползать»: в ст.-сл. с детерминативом -g- <*pel-g'-> plъziti, plъsti «ползать», итер. plъzati; plъzъkъ «скользящий», рус. *ползать*, болг. *плезя, пълзя* «ползу», серб. *пузити*, словен. *polzati* «ползать», др.-англ. *fealh, fulgop* <*felgam «поворачиваться», др.-в.-нем. *felga* <*pel-k- в том же значении.

И.-е. *(s)kek-, *(s)kok- «прыгать»: ст.-сл. *skakati, skociti* «скакать», *skokъ* «прыжок», лит. *šókti*, лтш. *sákti* «прыгать», др.-в.-нем. *scehan* то же, н.-в.-нем. *schicken* «посылать».

В качестве армяно-славянской изоглоссы необходимо отметить арм. *hart'pul* «вскочить от испуга» и ст.-сл. *prędati* «скакать», восходящие к и.-е. *prthe «прыгать»¹⁰.

Понятие «тащить, волочить» в индоевропейском языке-основе представлено двумя основами *uelg- и *selg^{II}-. ст.-сл. *vlekъ, vlěsti* «тяну, тащу» <*uelg-, лит. *velkù* «волоку, тащу», лтш. *vėlku, vilkt*, родственны именным образованиям в др.-инд. *vṛka* «плуг» (Ригведа, 1.117, 21.8, 22.6), греч. гом. *ὠλχα* «борозда», в др.-арм. из *selg^{II}-> *heṭg* «медленно» — метафорический перенос значения, содержащий отношение переименования — *selg^{II}- «тащить» → *heṭg* «медленно», алб. *helq* «тяну, тащу», лат. *sulcus*, др.-англ. *sulh* «борозда».

Понятие «катить, вращать, вертеть» представлено и.-е. основами *wert-: ст.-сл. *vъręti*, лит. *versti*, лтш. *verst*, гот. *waigran* «вращать», др.-в.-нем. *werdan* «становиться»; *verg-*: ст.-сл. *vъrgъ, vrěsti* «бросать», лат. *vergere* «изгибаться», др.-инд. *vṛj-*, (3 л. ед. ч.) *vṛpakti* «бросать»; *uel-: ст.-сл. *valiti* «валить», арм. *gelul* «вертеть, вращать», лтш. *velt*, лит. *veltì* «валить», др.-инд. *val-*, ср. залог от *vṛt-*, авест. *var-* «вращать», греч. *εἰλεω*, лат. *volvere*, ирл. *fillim*, гот. *walujan*, др.-в.-нем. *wellen* «катать, катить, вертеть, вращать».

Рассмотренная группа глаголов, обозначающих передвижение по земной поверхности, противопоставляется по признаку среды, в которой протекает действие, и в связи с этим по способу передвижения группе глаголов, обозначающих передвижение в водной и воздушной среде.

На индоевропейском уровне¹¹ отмечается синкретизм понятий «плыть, течь и лететь, перо (птицы) и плавник»: и.-е. *pleu- «течь, плыть и лететь» в арм. *luapal* «мыть» <*plu^{II}a- (с переходным значением) аналогично лит. *plauju, plóvlap* «мыть», ст.-сл. *plouvъ, pluti* «плыть», лат. *perplovēre* «плыть», др.-в.-нем. *flouwen* «мыть и плыть».

Понятие «купаться» в арм. *logapal*, которое до Гюбшмана разные авторы связывали вместе с *luapal* с и.-е. *plu- «течь». Гюбшман (KZ, 29, 35) возводит только к *luца-, греч. *ῥλúω*, однако в Аг. Ст., 454 считает возможным возведение и к и.-е. *pleu-/plu- либо вместе с *logapal* к *luца. Покорный (IEW, 1,836) относит к корню *pleu- арм. пра-

¹⁰ Э. Убшанский, указ. соч., стр. 58.

¹¹ J. Pokorny, IEW, 1, 836.

форму *loṣ-apa-. На наш взгляд, возможно возведение и luapaḥ и lo-gapaḥ к и.-е. *pleṭ-/ *ploṭ-/ *plu- в качестве этимологических дублетов, отражающих среднюю и нижнюю ступени чередований, так как армянские глаголы на -apaḥ могут восходить к этим ступеням.

И.-е. *sreṭ- „течь“, в арм. aḥogapaḥ, oḥogapaḥ „увлажнять“—сужение значения, ст.-сл. struja „поток“—метонимический перенос значения, рус. *струиться*, лит. sraviu, sravēti „течь“, др.-инд. sṛavati „течет“, sṛava- „поток“=авест. gavaṇ, gaodziti „течет“, греч. ῥεω „теку“, др.-ирл. srualmim „поток“.

И.-е. *pet-, *petə- „лететь“: {арм. t'rc'el „лечу“ < *pterī-sko-, ст.-сл. petŏ, pьgati „лететь“, итер. pariti, греч. πτερομαι, др.-инд. pātati „летит“, лат. peto „лечу“, о древности приведенных словоформ свидетельствуют тип на -г/-п: ср. арм. t'ir „полет“, ст.-сл. peto „перо птицы“, греч. πτερον „перо“ < *pter- при лат. penna < *petna- ср.-кимр. adaln, adan „крыло и плавник“, < petəno-, др.-сев. fjoḍr, др.-англ. feder, др.-в.-нем. fedara < *petra-, др.-инд. patram „перо“.

И.-е. *per-/ *perə- „летать“: арм. hordan tam „продвигать, вести“, ст.-сл. pa-perŏ „проникать, пронзать“ (направление приближения), греч. πέραω „проникать“, лат. porto, -āre „нести, ехать, везти“, гот. faran „бродить, кочевать“, farjan „ехать“.

И.-е. *seng^u- „падать, опускаться“, арм. ankanel „падать“ < *sug^u, греч. εαφθῆ „он упал“, гот. siggan, др.-в.-нем. sinkan, н.-в.-нем. sinken „падать, опускаться“.

И.-е. *pet- „падать“, ст.-сл. pasti, padati „падать“, греч. πτερομαι „лететь“, др.-инд. pat-, авест. pad-, pad- „лететь, падать“.

В рамках сравнения с привлечением данных многих языков часто констатируются факты своеобразия в развитии значения явно родственных форм. Хотя семантическое единство гнезда слов неоспоримо, создается впечатление, что первоначальное значение в силу особых причин в каждом из сравниваемых языков характеризуется различными вариативными признаками.

Таково, например, развитие и.-е. глагольной основы *pent- „идти, шагать“; ср. следующий ряд значений: ст.-сл. pьtь „путь, дорога“, др.-пруск. pintis в том же значении, арм. hup „русло“, др.-инд. pāṇthāḥ „дорога“, авест. pantiā „дорога“, греч. πόντος „море“, лат. pons „мост“. Как видно из приведенных примеров, ареальные расхождения проявляются в латинском и греческом. Принято считать, что в греческом «море» эквивалентно «дороге» в силу поэтического способа изображения, в латинском подобный переход обусловлен прежде всего культурой «terramare». По-видимому, первичным значением было обозначение дороги как «перехода» через неизвестную и часто враждебную местность, переправы через естественные препятствия (ср. арм. hup «русло» и лат. pons «мост»). Ср. также развитие значений: арм. ut, uti «дорога, путь, улица», ст.-сл. ul-ica «дорога», позднее «улица» и греч. ὄλος «лощина, ров», ст.-сл. draga «дорога» связано с и.-е. *dorgh—«дергать», это не просто «дорога» как пространство, которое нужно пройти из конца в ко-

нед. Понятие „draga“ означает «продрванное в лесу пространство», включает в себя труд, неуверенность и опасность, у такой дороги есть непредвиденные повороты, она может меняться вместе с тем, кто ее проходит, следовательно, это дорога, которая не проложена заранее и по которой нет регулярного движения.

Таким образом, непосредственная связь лексики с культурно-историческим опытом вызывает возникновение новых номинаций, характеризующих различные сферы человеческой деятельности. В этой связи значительный интерес представляют глагольные основы, с помощью которых образованы наименования средств передвижения: сигнификат «движение» применяется для обозначения передвижения при помощи чего-либо, в чем-либо, на чем-либо. Ср. следующий ряд значений: и.-е.

*k^hel-/*k^helā- „проникать, передвигаться → средство передвижения, колесо“: ст.-сл. kolo „колесо“ и kola „телега“, греч. *κῆλος* „колесо“, др.-инд. sakráṃ, авест. *šaxga-* „повозка“, др.-англ. hweohl, др.-исл. hvel „колесо“, др.-ирл. cuí „телега“, тох. А kukāl, В kokale „повозка“.

И.-е. *ueg'h- „двигать, тащить, ехать“: ст.-сл. vozь „повозка, телега“, греч. *ὄχος* „воз“, др.-в.-нем. waagan, ирл. в том же значении. Наряду с *ueg'h- в западном ареале засвидетельствовано *rot(h)ā- < *reldh- „качаться“: в др.-в.-нем. rītan, др.-англ. rīdan, др.-исл. ríða, ирл. ríadaim, галльс. rēda. В латинском, армянском и кельтских языках обозначение „повозки“ восходит к и.-е. *keṛs- „бежать“ → *k^hrsus → лат. carrus, арм. kark, др.-ирл. и ср.-кимр. carr, брет. carr.

Средство передвижения в воде: арм. пав „судно, корабль“ (возможно допустить заимствование из иранского источника)¹², др.-инд. pāṇi, н.-перс. pāviya „флотилия“, греч. *πῆς*, лат. pavis, ирл. poí, др.-исл. pōg.

В ст.-сл. и германских языках название средств передвижения в воде восходит к и.-е. *per-/*perā- „проникать, летать“: др.-в.-нем. faru „лодка“, ст.-сл. рратъ, рус. *паром*. Название „лодки“, „ладьи“ в ст.-сл. alъdi (Супр.), ludli (Мар, Зогр.)¹³, др.-рус. *ладья, лодька*, совр. рус. *лодка*, болг. *ладя*, чеш. lod', lodi, польс. łódź, родственно лит. aldija, eldija „челн“, швед. álla „корыто“, англс. aldoð „корыто, челнок“, ср.-в.-нем. loddie, laddie «грузовое судно» (славянское заимствование)¹³.

В связи с приведенными словоформами интересно отметить такое славяно-греко-индийское совпадение: ст.-сл. kъта, греч. *κοῦρος* „колота, чурбан, полено“ → *κοῦρος* *κοῦρη* (Гесихий) „весло“, др.-инд. kōpa- „корма“.

В лексике нет строгих и абсолютных границ. Язык как средство общения перестраивается, дифференцируется с тем, чтобы адекватно

¹² Г. Б. Джукьян, указ. соч., стр. 236.

¹³ Судя по данным языка, непосредственный контакт германцев со славянами был установлен не раньше начала нашего летоисчисления: Сравнительная грамматика германских языков, М., 1962, стр. 79.

отразить, воспроизвести явления реального мира, новые идеи и понятия в соответствующих словах и выражениях. Таким образом, слово есть образование, где отражается структура человеческого знания. В связи с вышеизложенным имеется в виду любопытный случай этимологического гнезда, которое четко определяется в своих формальных связях, по значению которого, с одной стороны, распределяются между понятиями о совершенно материальных вещах и, с другой стороны, о моральных, и социальных категориях.

Речь идет о термине для заключения брака: и.-е. **uedh-* «вести» и «жениться»: ст.-сл. *vedo*, *vesti* «вести и брать в жены» (ст.-сл. *nevěsta* «незнакомка, неприведенная»), лит. *vedù*, *vesti*, лтш. *vedu* то же, др.-инд. *vadhi* «недавно отданная мужчине», «отведенная», авест. *vaði* «вести и тянуть». Это обозначение, несомненно, связано с древними обычаями и косвенно свидетельствует об экзогамности брачных отношений у индоевропейцев. Ср. аналогичное развитие глагола «просить», и.-е. **prek'-*, ст.-сл. *prosi*, арм. *harçapel*, др.-в.-нем. *fragen* «просить», при арм. *harsp* «невеста, сноха», лат. *proci* «жених», лит. *piršti* «свататься», серб. *prošiti* то же значение. Здесь необходимо указать на очень древние формулы, в которых будущие супруги представляются стоящими друг против друга: лат. *ubi tu Gausi, ego Gaia* «где ты Гай, там я—Гая» инд. *apo ham asmi, sã ivam* «я такой-то, ты такая-то»¹⁴, связанные с древним свадебным обрядом взаимных обязательств.

Таким образом, как видно из приведенных сопоставлений, рассматриваемые проблемы имеют разную сложность и разветвляются в глубокой исторической и доисторической перспективе.

На основании рассмотренного материала можно сделать следующие выводы:

1) В синхроническом плане одним из наиболее существенных и важных вопросов является вопрос о выражении направленности движения. Древнеармянский язык, с одной стороны, старославянский—с другой, используют различные средства выражения вышеуказанного признака.

В древнеармянском языке для выражения направленности — — ненаправленности движения используются либо отдельные парные лексемы (ср. *gal* «к говорящему», *gnal* «от говорящего», *lanel* «спускаться», *elanel* «подниматься», *berel* «приносить», *tanel* «уносить»), либо препозитивные слова (ср. *art'aks acel* «выводить», *i perk's tanel* «ввозить» и т. д.), либо предложные глаголы, но они сравнительно редки по своему употреблению, либо при необходимости чисто описательные формы.

В старославянском языке направленность — — ненаправленность движения первоначально осуществлялась: а) последовательным противопоставлением факттива и итератива, а затем глаголами с определенным и неопределенным значением (ср. *iti—choditi*, *nesti—positi*, *bězati—bĕgati*, в совр. рус. *везти*, но *возить*, *нести—носить*, *идти—ходить*);

¹⁴ Э. Бенвенист, Семантические проблемы реконструкции (в кн.: «Общая лингвистика», М., 1974, стр. 347).

б) широким употреблением префиксов и предлогов, в результате чего создаются новые слова с ярко выраженным признаком направленности движения (ст.-сл. *bězati* «бежать», *prī-bězati* «прибежать», *u-bězati* «убежать»). Аналогичная картина и в современных славянских языках: рус. *идти—выйти, идти—прийти, идти к нему, идти от него* и т. д.

Глаголы направленного движения свободно сочетаются с пространственными приставками: *въ-, въз-, из-, ро-, при-, рѣ-, отъ-, съ-, и-* и др.

Глаголы ненаправленного движения, представленные итеративами, сочетаются с приставками иного значения: они обозначают начинательность или однократность действия, ограничение во времени, доведение его до какого-либо предела или результата действия, исчерпанность действия: (ст.-сл. *do-choditi, do-positi, obъ-choditi, za-choditi, ras-choditi se* и т. д., ср. в совр. рус. *доходиться до изнеможения, проходить полчаса* и т. д.).

Таким образом, признак направленности движения в славянских языках имеет первостепенное значение и последовательно выражается морфологически, в армянском—лексически; при этом славянские языки допускают и лексический способ выражения: ст.-сл. *vъz-iti* «взойти», *pasti* «падать», рус. *подняться, спуститься*, польск. *podnieść się, spuścić się*, чеш. *vystoupit, sejít* и т. д.

Общим признаком является признак среды, в которой протекает действие, и выражается лексически, как в др.-арм., так и в ст.-сл. языках (напр. арм. *ert'al* «идти», ст.-сл. *iti* в том же значении; арм. *t'ré'el* «лететь» и ст.-сл. *pariti* «летать»).

Глаголы движения вместе с семантически обусловленными существительными со значением субъекта (агенса), объекта, либо инструмента действия (арм. *gnal kataw'k* «ехать возом», *gnal pawu* «ехать лодкой», ст.-сл. *jachati vozomъ* «ехать телегой» и т. д.), а также сочетания глагол-существительное (скакать—лошадь), глагол-наречие (идти быстро, медленно) отражают реально существующие группировки слов по их нормативным валентным группам.

2) В диахроническом плане интерпретация и уточнение значения слова способствует не только выявлению отдельных терминов, но преимущественно выявлению отношений и процессов, возникающих на базе объективной реальности, обобщая свойства и качества реально существующих предметов и явлений.

И.-е. **k^uek^ula-/ō, *rot(h)a-* «повозка, колесница», **dhur-* «дышло» → **ueg'h-* «ехать» убедительно раскрывают круг древних представлений о передвижении, заключая в себе и элементы чувственного восприятия и элементы, относящиеся к познанию.

Обозначение «корабля, судна» в арм., греч., авест., с одной стороны, и ст.-сл. и герм., с другой, свидетельствует о характере локализации отдельных индоевропейских племен с географической точки зрения и о времени их контактов.

Название «колеса» четко противопоставляется в западных и восточных диалектах: лат. *rota*, др.-ирл. *roth*, др.-в.-нем. *rat* не встречается ни в славянском, ни в армянском, ни в греческом. В др.-инд. и иранском соответствующее слово *rāthah*, ав. *raθo* «повозка», восходящее к корню **reth-* «бежать». В восточных диалектах название «колеса» от и.-е. **k^hel-/k^helə*: ст.-сл. *kolo*, арм. *holov* «вращение», др.-инд. *sak-gāth* «колесо», авест. *saθra-*, греч. *κύλος*, др.-прус. *kelan*.

Таким образом, анализируемые глаголы движения в каждом из рассматриваемых языков носят двойственный характер: они принадлежат либо к синхронии одного языка, либо выявляют переплетения, возникшие в ходе многовековой и даже тысячелетней эволюции, результатом чего является различное функционирование исходных и.-е. основ. Тем не менее сравнительное рассмотрение фактов родственных языков способствует выявлению в каждом языке некоторых весьма общих тенденций, управляющих развитием частных факторов, дает возможность увидеть в них определенную структуру. Параметр времени становится при этом параметром системного описания. Во всех рассмотренных выше случаях присутствует проблема отношения, и именно отношениями определяется всякая семантическая структура.

ԳՐԱՐԱՐԻ ԵՎ ՀԻՆ ԱՆՎՈՆԵՐԵՆԻ ՇԱՐԺՈՒՄ ԵՇԱՆԱԿՈՂ
ՀՆԻՅՎՐՈՊԱԿԱՆ ԲԱՅԵՐԻ ՀԱՄԵՄԱՏԱԿԱՆ-ՏԻՊԱԲԱՆԱԿԱՆ ՔՆՆՈՒԹՅՈՒՆ

Լ. Ա. ՍԱՐԱԶԵՎԱ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Գրարարի և հին սլավոնների հնգվրոպական ծագում ունեցող շարժման բայերի քննարկման համար առանձնացվում են հետևյալ ասորերակիչ հատկանիշները՝ շարժման ուղղվածությունը, շարժման միջոցը, շարժման միջավայրը և շարժվողի գասային ընդլիցի: Համեմատական-տիպարական վերլուծությունը պարզում է, որ շարժման ուղղվածությունը գրարարում և հին սլավոններենում արտահայտվում է ասորերի միջոցներով: Գրարարում ուղղության տարրերով թյունները արահայտվում են կամ բառային զույգերով, կամ նախդիրների ու նկարագրական եղանակների օգնությամբ: Հին սլավոններենում, բացի նախդիրների լայն օգտագործումից, հանդես են գալիս, այսպես կոչված, ֆակտիտիվի և իտերատիվի (անորոշի և որոշյալի) ձևարանական հակադրությունները և բայական նախածանցները: Գրարարում այդպիսի նախածանցների օգտագործումը սկսում է լայն ընդլից սաանալ հունարան գպրոցի բառակերպումներով: Շարժման միջավայրի արտահայտման ասորերությունները երկու լեզուներում էլ բառային-նկարագրական են: Պատմական առումով նկատվում է հ.-հ. շարժման բայերի կազմի փոփոխություն, վերաիմաստավորում, գործածության հաճախակիության ասորերություն, ելակետային նյութի ասորեր գործառություն: Առանձնահատուկ հետաքրքրություն է ներկայացնում շարժման բայերի օգտագործումը հոգեկան աշխարհի գգայական-իմացական երևույթներ արտահայտելու համար: